

Сева, глянь, это же ондатра плывет!
 — Где? — мальчишка крутил головой, спеша увидеть зверя, на которого указывал папин палец. — Где? Не вижу!

— Да вот же, вот! — Роман от волнения уже почти перешел на крик, но, боясь спугнуть животное, осекся и лишь хрипло шептал.

Он очень хотел, чтобы сын увидел, как, держа над водой мокрую мордочку, рассекает поверхность пруда невесть откуда взявшийся зверек. Ондатра быстро уходила за кугу к своему убежищу — корневищу старой ивы.

— Э-эх, ушла! Так и не рассмотрел?

— Нет, — обиженно процедил Сева, будто думал, что папа хотел подтрунить над ним, выдумав зверя.

Откуда только взялась?! Пруд этот местные дачники считали пожарным. По их словам, кроме бычков, карасевой мелочи и лягушек, здесь отродясь ничего не водилось, тем более водяных крыс.

— Может, она чья-то, домашняя? Привезли из города и выпустили?

Сева молчал. Что он ответит отцу, если тот, похоже, задавал вопросы самому себе... Вот увидел ондатру какую-то.

Они пришли на рыбалку, встали рано, а клева нет. Поплавок хоть бы раз шелохнулся! Полный штиль. Сидит на куге стрекоза, и в отражении можно сосчитать все перепонки на крылышках.

Сева чувствовал, что не в рыбалке дело, а в том, что отцу неведомо уже сидеть на участке, где все огорожено, где обе калитки — на замках и щеколдах. Не успеешь с дороги зайти, как прабаба Аня или дед Юра тут же бегут запирать — для безопасности.

«Бабушка боится, что ее украдут», — сказал как-то папа. Шутил или взаправду — непонятно.

— Собака забежит, мальчишку укусит, — объясняла Анна Игоревна свою предосторожность. — Или, было дело, цыган лет десять назад зашел, прямо на кухню проперся... «Нет у вас, — говорит, — металлолома?» А я ему: «А ты как сюда зашел?» А он: «У вас все открыто нараспашку...» Так и обворуют ведь! А наглый какой был!

Времена теперь другие, и назойливых цыган сменили трудяги-узбеки. Эти никуда не ломились, а, увидев кого из хозяев, вежливо спрашивали из-за ограды: «Нет ли какой-нибудь работы?»

Работа была, но дед Юра никому ее не доверял: «Денег сдерут, а сделают плохо. Лучше я сам — медленно, но верно».

— Может, пойдем? — предложил Сева отцу. — Все равно не клюет.

— Куда? Мультики смотреть? — недовольно, как-то резко прозвучало в ответ.

Роман хмурился. Ему явно надоело на даче, на которой он не был ни хозяином, ни желанным гостем, но в летнюю жару сидеть в городской квартире, которую они с Викой с самого Севиного рождения снимали, чтобы жить своей отдельной семьей, было бы хуже.

Сева иногда казалось, что папа им тяготится, что у него свои взрослые дела и взрослые тяжелые мысли, которым шестилетний сын — помеха, и если бы не необходимость присматривать за ним, папа бы сюда не приезжал. У папы — планшет, в котором он читает, пишет, правит, сверяется со словарями. Он говорит, что переводит с немецкого языка описание товаров для таможни. Его вечно отвлекает ехидная прабаба Аня, намекая, что на даче есть и другая, физическая, работа. Севе тоже не очень нравятся, что отец вечно, почти круглые сутки, занят своим компьютером, но по-другому папа не может.

Дед Юра сделал внуку песочницу и качели, прикрутил к стене баскетбольное кольцо — чтобы игры на свежем воздухе проходили на виду, чтобы никуда далеко не отходить, а то там, за изгородью — машины, собаки, цыгане... Как в книжке, «акулы, гориллы, злые крокодилы...» Да, крокодилы в пожарном пруду!

В это лето у родителей что-то не срослось с домашним бюджетом, и на море они с Севой не поехали. Уже третий месяц куковали на даче. Мама брала две недели отпуска, и с ней здесь было повеселее, и папа ходил довольный, а теперь опять тоска. В прошлые выходные она не приезжала — был аврал на работе, а в эти — должна...

В кои-то веки собрались на рыбалку, и папа оторвался от планшета, готовился, копал червей возле компостной кучи, снаряжал удочку... А рыбы в пруду нет.

— Посидим еще немного... А потом что хочешь, то и делай. Хочешь — мультики смотри или лучше порисовал бы...

Севе было скучно на пруду с отцом. В это тихое безветренное утро они были здесь одни — без рыбаков-соседей и без улова.

Нарушив тишину, заиграла флейта Баха. Светлая и вместе с тем чуть печальная музыка — это телефон в папином кармане. У него такой звонок.

— Мама звонит?

— Да, да... Вика, что? Не сможешь? А завтра? Тоже нет?

— Мама! — крикнул в трубку Сева, и улыбка озарила его лицо. — Ты сегодня приедешь?

— Нет, — пробормотал Роман. — Только в следующие выходные. Все, сынок, выбрасывай червей. Пойдем. В воду, в воду их...

Они побрели по дороге, и Сева пинал носком ботинка камни. Он волочил длинную удочку, скобля ее концом о щебень, и папа ворчал на него. Но слушать это грустное ворчание было все равно приятнее, чем кудахчущий голос прабабушки.

Сейчас придут, и начнется:

— Там грядки, там не ходи! Вот здесь ходи, по тропочке. На ступеньках не сиди — тут дует. Рома, смотри за ним — как бы не упал...

И так — все два с половиной месяца, что они на даче.

— Встречает... — бросил папа сквозь зубы.

У калитки, прикрывая глаза козырьком ладони, высматривала правнука хлопотливая сухонькая хозяйка.

А вслед неудачливым рыболовам, высунув морду из-под ивовых корешков, щурила цепкие черные глазенки невидимая ондатра... Провожала.

2

Яблоко шарахнуло о косой шифер крыши, показало солнцу желтый червивый бочок и, вихля хвостиком, скатилось-упало в тень.

«Шлеп».

Яблоко — и омега, и альфа. Оно падает недалеко от материнского дерева и лежит, забытое, хоронясь от любопытных глаз под изросшимся листом одуванчика или в непрокошенном пучке травы до тех пор, пока семена, отринув прелую плодовую плоть, не приживутся в почве, не обретут новую форму, в которой им отныне и до времени бытовать: расти, укрепляться в земле, тянуться побегами к солнечному свету, цвести и плодоносить. Все повторится, но ничто не останется прежним. Новая жизнь, новые семена, новые плоды. Непрерывный поток жизни...

«Шлеп...»

Очередной падалец пробарабанил по кровле, выпутав Анну Игоревну из тяжелого дневного сна. Ей привиделись огурцы и ненастье: будто случился град, который пробил пластиковый парник на их участке, и она, сухонькая, крохотная, металась в огромной, как ангар, теплице, заворачивала в тряпки завязи, спешно обрывала «правильные» зрелые огурцы «под засол» и до сердечной колотыбы волновалась за желто-бурую «дыню»-семенник. «Дыню» спасти не удалось — от удара градиной плотная кожа рапнула, и чудо-огурец развалился в руках.

Сердце успокаивалось долго: его жаркий паровозный маховик переместился из-под ребер в левый висок, под узел косынки. Этот узел, видимо, надавил, намял голову, пока женщина отдыхала на скамейке влетней кухне и задремала.

«Дача...» — пробормотала Анна, заново свыкаясь с явью. Что-то сильно ее беспокоило помимо огурцов, и она не могла вспомнить, что именно...

Шесть соток, обнесенные рабицей в два ряда, за последние несколько лет стали ее сезонной тюрьмой, если не каторгой. Почему так, из-за чего? И это несмотря на все удобства и технические новшества, которыми напичкал дачу сын. Душ с отдельным электрокотлом, огурцовая теплица с подсветкой, фонари, работающие на солнечных батареях, микроволновка, спутниковая тарелка на крыше. Только в туалете все по старинке, но и то — яму закопали, и вместо ямы теперь ведро, из которого все идет на удобрение для парника. Яблоня, смородиновые кусты, флоксы с лилиями, множество грядок неродящей клубники-виктории остались уже скорее как память о прошедшей эпохе, как дань еще советскому подмосковному колориту. Ягода изрослась, ее забили другие культуры, одичавший горох и какая-то новая трава с мелкими желтыми цветками и цепким ветвистым корнем, названия которой хозяйка не знала.

На душе было тревожно.

Низко в небе тяжело прошумел крупный белый самолет. Потом, чуть выше — еще один, полегче, потоньше, с красным хвостиком. На самом верхнем ярусе, оставляя за собой тонкую белую нить, неслышно шел почти невидимый третий, сверкающий сталью — как игла. Ишь — разлетались в выходные!

Вдова авиаинженера, Анна Игоревна за многие годы так и не смогла привыкнуть к тому, что в двадцати километрах — аэропорт, и вздрагивала всякий раз, особенно ночью, когда с громом пробивал купол небосвода очередной уходящий рейс.

Вика говорила, что в выходные летают больше, потому что возят людей на курорты. «Чантеры»? Нет? «Чардеры»? Как-то так — внучка называла, только память уже подводит.

Субботнее солнце окутывало жарким маревом садовую поросль. Отовсюду слышались приглушенные голоса невидимых за кустарником соседей. Где-то поодаль, между кукурузным полем и прудом, одолевали разбитую, нелатанную дорогу легковушки: шелестели гравием, сигналили заезавшейся детворе. Дачный поселок принимал гостей выходного дня.

Во время обеда «баба Аня» пыталась уговорить правнука Севу дохлебать до веселого Винни-Пуха, что улыбался со дна тарелки из-под самых вермишелек, довела этим мальчишку до слез и поплакала сама. «Вахлак» вступился за чадо, прикрикнул на старуху. И Анна, обидевшись, умолкнув, успела посерчать на всех сразу, потом беззвучно за всех помолилась и, когда разошлись, перемыла посуду. И прилегла.

«Юру, как приедет, надо заставить вынести туалетное ведро в компостную кучу...» — вдруг кольнула мысль, — жарко же, и пахнет, и мухоту разводить... А привезет ли Юра хлеба — того, с семечками? А когда ж Юра будет поправлять столбы? Какой все-таки у нее хороший сын... Заботится, ухаживает и за ней, и за домом, привозит на неделю продукты из супермаркета, а когда уезжает на сутки на работу, непременно к вечеру звонит и все спрашивает про Севу и про главное их богатство — огурцы...

Сегодня не приедет, сегодня они с Галей в Москве ждут рабочих — ставят пластиковые окна. Не иначе, Галя придумала... А завтра уж точно обещал быть.

Анна Игоревна почти пришла в себя, сидела и повторяла полупшепотом:

— Какой же был дурной сон! Это ж надо!

«Шлеп...»

Она вдруг вспомнила, что ее беспокоило, что угнетало помимо сна — внучкин муж Рома. «Вахлак», как она его называла.

Кухня была не первой постройкой на этом участке. Вначале был туалет — в той кабинке, где сейчас ведро, тоже когда-то спали: спала она, молодая Анюта, радостно умещаясь в обнимку с мужем Шурой, получившим этот участок от своего некогда страшно засекреченного завода. Потом построили садовый домик, и зашумело-зажужжало на их участке, как в улье. Стали приезжать родственники, набиваясь в фанерные стены человек по десять. Праздных гостей тогда не было: не знали, что такое на даче отдыхать, все работали над будущим урожаем, попутно деля, кому сколько свеклы, моркови и картошки забирать по осени, и в дом шли уже только с темнотой, спать. А туалет перестал быть кровом для двоих — переделали дно, выкопали яму, и на долгие годы он стал просто туалетом. Ну, разве еще огородный инвентарь там хранился.

Много лет прошло с тех пор. Не стало Шуры. Его завод остановился, и крыши цехов всего за несколько лет где провалились, а где поросли деревьями. Стелу с макетом одного из первых реактивных детищ Шурино КБ, что по утрам крылатым размахом встречала работников возле главной проходной, растащили на вторцветмет обедневшие и карманом, и душой заводчане. Но дачи, унаследованные от бывшего избытка и расцвета, остались.

Юра выстроил новый садовый дом — большой, с верандой, а в предыдущем устроил кухню. Юра — рукастый, дельный. Пошел по отцовским стопам — выучился на инженера, работает теперь на каком-то новом предприятии, тоже секретном, но только в службе безопасности. И тоже что-то связанное с авиационной отраслью... Отработает смену — и сюда, к мамке на родные сотки. Он еще и по хозяйству мастер: дачную кухню обшил новыми листами. И мебель, и шкафчики сделал сам. Когда что делает — не торопится, сядет, отмерит, обдумает хорошо за мятным чаем, тогда уж и приступает — медленно, но верно. Не пьет и не курит, экономит всегда. Не зря Анна у сына в старших классах карманы смотрела — чтобы, не дай бог, ни спичек, ни папирос там не заводилось. И вот вырастила себе на радость: котел для нагрева воды Юра установил и научил, как выключать на ночь, чтобы не расходовать энергию. Правильного воспитала она человека, к труду прилежного. И дедушка из него замечательный: в тот год табуреточку Севе смастерил, фрукты для него привозит из города. Повезло Галине с мужем. Пришла на готовенькое, и вот уже без малого тридцать лет за Юрой, как за каменной стеной. Только вот дачу сноха не очень любит, редко бывает.

А внучке не повезло. Где она отхватила, откуда выкопала этого Рому — непонятно. Старше ее лет, поди, на десять. Разведенный. Не хочет ничего на даче делать. Попросила в тот год ветки сухие отпилить — сделал, но со злостью, все фыркал, что отвлекают от работы. И с поливом так же. А огурчики соленые зимой — так, Анна Игоревна, подавай... На днях бродил ночь-заполночь, на кухне все сызнова повключал. Гремел чайником, да так и оставил, даже лампочку не потушил — набилось к утру мотыльков... Балда, вахлак, одним словом... То ли работает, то ли нет — говорит, что дистанционно, что теперь многие так... Это что ж за работа такая... Вика его с мальчонкой на лето на дачу отправляет, у самой-то отпуск короткий, а он за Севой не смотрит, посадит сына за мультики или рисунки рисовать, а сам таскается по участку со своим экраном и тычет туда пальцем, водит все, водит ногтем. И курит. Окурков целая

консервная банка набирается за два дня. Жалко Вика. Как она только с таким живет...

Устала Анна за жизнь свою за всеми ходить, присматривать, нянчить. Сначала за сыном Юрой, потом за внучкой, теперь за огурцами, а на правнука уже и сил нет. Пусть, пусть вахлак сам смотрит за Севой. Капризный мальчишка растет. На мультиках — нервный... Спит плохо. Юра не такой был, Вика тоже: и в детстве слушалась, и сейчас спокойная, чистоплотная, деловитая. Да и сноху, Гальку, Анне Игоревне воспитать за многие годы удалось, чтобы Юре с ней хорошо было, удобно.

Только вот не любит Галя на дачу приезжать. Заматерела, в своей квартире хозяйничает. А раньше... Все было иначе. В городе жили все вместе в коммунальной комнате, после Шуриной смерти — вчетвером: Юра, Галя, Вика маленькая и она сама, Анна. В тесноте да не в обиде. А на даче и вовсе тесноты не чувствовали. Здесь раздолье: не было телевизора, а была прополка, походы по грибы, рыбная ловля и вкусный мятный чай по вечерам. Добирались сюда в толчее, электричкой, со скарбом, рюкзаками, баулами, и по полю пешком пять километров чохали, не то что теперь: прыгнут в машину, полчаса минут по гладкому асфальту — и здесь. Все меняется, и вроде жить становится легче: и связь тебе — когда такое было, чтобы на даче телефон, да еще и без провода, в ладошке умещался, — и транспорт свой, удобный, и даже чудо-печка за минуту любую еду подогреет, а люди все недовольны, и каждый хочет себе всего побольше, поспеет, послаще, и главное, отдельно, обособленно. Оно вроде и правильно, но ты живи, работай да радуйся, а не в экранчик свой ныряй, а то занырнул, а всплываешь только спать или когда Сева заплачет, коленочку расшибет без присмотра... Вчера вон навернулся с велосипеда...

В виске у Анны Игоревны все-таки сильно болело. Наверно, давление. Что ж, восемьдесят шестой год пошел. Надо не забыть выпить таблетку.

3

Минувшей зимой Сева осознал, что дедушка Юра — жадноват, что папа — хоть и добрый, но не очень удачливый и, наверно, не очень счастливый, к тому же он самый старший из всех родителей в детском саду, и потому Севе немного за него стыдно. А вот мама... Пожалуй, человека мудрее, роднее и красивее мамы среди всех Севиных близких не найти!

Дело было так: дед Юра и баба Галя позвали их на новогодние праздники на все десять дней, и они целую неделю собирали к поездке вещи, а папа купил большой рюкзак — сказал, что с ним ездить удобнее, чем с пакетами. Мама была недовольна тратой, но согласилась: «рюкзак еще летом пригодится — на дачу вещи возить». Потом было путешествие на метро: с двумя пересадками они добирались на другой конец города, и Сева взмок в своем комбинезоне...

Встретили Новый год. А через день снова спустились в подземку — поехали смотреть представление в цирке на Цветном. К билетам, купленным дедом Юрой со скидкой у себя на работе, прилагался вкладыш — купон на сладкий подарок, и это приложение к цирку Севины дедушка и прабабушка ценили куда выше самого действия на арене. Дед Мороз Юра положил билеты и вкладыш под елочку. Оно бы все ничего, но в метро на платформе папа случайно задел плечом прохожего и даже не заметил. Вроде бы пустяк. С кем не бывает! Все и всегда толкаются — по тысяче, а

то по десять тысяч раз в день, и не только люди в транспорте, но и машины на дорогах. Москва ведь огромная, тесная. Прохожий, потирая плечо, шел к эскалатору — крепкий неопрятный мужик с красным лицом — скорее всего, навеселе. У самых перил, возле будки, где сидит в смешном картузе дежурная, краснорожий вдруг резко развернулся и понесся обратно. И, подбежав, схватил папу за грудки и начал толкать к краю. А тоннель уже начал светлеть, и в рельсах слышны были характерные щелчки. Состав, гудя и выталкивая из своей норы теплый битумный ветер, приближался.

— А извиняться кто будет? — шипел обиженный незнакомец, обдавая их перегаром. И папа попросил прощения. Он, побледнев, повиснув почти над рельсами, извинялся несколько раз подряд, снова и снова, пока мужик, удовлетворившись, не отстал от него, не ушел. Мамино лицо застыло белой гипсовой маской от неожиданности, ужаса и ступора. Севе показалось, что извинения звучали униженно, не по-мужски. Стало стыдно за отца, который проявил слабость, не дал отпор обидчику, не смог защитить даже себя. И впервые в жизни с такой ошеломляющей силой подступил страх — словно та твердь под ногами, которую Сева считал скалой, вдруг оказалась мягким ненадежным глиноземом.

В вагоне папа не проронил ни слова — наверно, думал о произошедшем на платформе, а не о том, что они едут в цирк. Он потерял купон прямо в фойе — выпорхнул тонкий гладкий листочек из конверта, то ли когда смотрел у них сумки дотошный охранник, то ли еще в дверях, когда тетка-контролер небрежно отрывала корешки билетов — настолько небрежно, что номера сектора и ряда остались у нее в руках. Мама, слава богу, помнила, какой у них ряд, и за сами билеты не беспокоилась, но вот купон...

Да, чем потерять купон — лучше было вообще не ехать на эту дареную «елку». На Вике не было лица, ей мнилось, что теперь очень расстроится, непременно тихо, будто поскуливая, заплачет и до ночи, давя на родительскую жалость, вымотает все нервы Сева. Будет пилить отец, отчитывать с визгливым ржавым скрипом в голосе за то, что Викин «так называемый муж» лишил ребенка главной радости — конфет, которые, между прочим, составляют половину стоимости билета. Сева видел, как в панических поисках родители долго рылись по всем своим карманам и десять раз перетряхивали сумочку и пакет. Потом, уже после второго звонка, ходили кругами, пробиваясь сквозь напирющую толпу детворы и взрослых, протаскивали вслед за собой сына в жарких зимних шароварах, допрашивали охранников и администраторов, а не заметили ли, не попался, не находил ли кто, а может, кто подобрал, — а то ведь ребенок останется без...

Они оба осекались и не говорили никому, без чего останется ребенок. Он не должен был узнать, что папа по своей рассеянности лишил его подарка...

А Рома злился на себя, его изводила мысль, каким он, наверно, выглядит перед сыном и женой разиней, растеряхой, какой из него никудышный муж и отец, и еще никудышнее — зять. Вика раздумывала, как выйти из положения, озабоченность вырисовывала на ее чистом высоком лбу некрасивые складки.

Сева все понимал. Абсолютно все. Не капризничал. Ну, остался без сладкого подарка... Жаль, конечно, но...

— Мама, ведь главная в цирке — само представление?

И мать успокоилась, удивилась Севиной неожиданной взрослости, нашла в себе силы принять случившееся как должное, расцеловала чадо, и поделилась с Ромой внезапно возникшей идеей. В антракте они купили за мятую сотенную длинный, как сосиску, красный шарик. А немолодой белолицый клоун, пугая алой морщинистой улыбкой, скрутил из шарика котенка.

— Тебе котика или попугайчика?

— Давайте котика... — вздыхал Сева.

Во втором отделении все дети хвастались друг перед другом подарочными жестянками со сладями: шуршали обертки, и самоцветно сияла в лучах прожекторов конфетная фольга. Цирковая арена ревела буйволами, на которых скакали верхом медведи, и, боясь свалиться и получить от дрессировщика хлыста, медведи вонзали когти в толстые бычьи бока. Следом был номер с дрессированными попугаями, и Сева, любуясь девочкой-принцессой, которая настолько ловко управлялась с подопечными птицами, что могло показаться — они исполняют ее прихоти добровольно, из восхищения, — ел бутерброд с сыром из собранного дома пакета с едой. Купленный красный котенок топорщил надувной полупрозрачный хвост в пространство под куполом — туда, где нарезал круги пернатый артист. Сева хотел, чтобы попугай подлетел прямо к ним, сел на шарик, может быть, даже прорвал его когтями, но чтобы и принцесса-дрессировщица, и весь этот шелестящий, ревуший, охающий колодез зрительного зала обратили на них внимание, чтобы цирк восхитился, лопнул от зависти так же, как лопнул бы в птичьих лапах резиновый котик, наспех скрученный за сто рублей страшным клоуном.

Попугай так и не подлетел, не осчастливил их своим нездешним экзотическим благословением, не принес им на крыльях частичку далекого заморского счастья, и Сева теперь опять таил обиду на папу, потерявшего купон, папу, не давшего сдачи грубому мужику в метро, и очень хотел, то шоколадку, то леденец, то вафли — все то, что с упоением жевали в этот момент другие дети.

Красный котик лопнул в метро на обратном пути...

На окраине, там, где жили бабушка с дедушкой, побывало вечернее солнце: проломив в обложной небесной хмари полынью, оно плеснуло багрянца на бортики шоссеэной эстакады, прочеканило силуэты пассажиров в проезжавшем троллейбусе и выкровило ледяную дорожку, по которой люди спешили в магазин. Лед на мгновение ослепил алым сиянием, пылая ярче, чем сам закат. Наполнив души минутной благодатью, порыв света потух и на земле, и на небе. Дыра затянулась, будто ее и не было. Началась серая московская ночь, в которой все слилось в один цвет — цвет водянистой снежной каши под ногами.

— Сева, не брызгай! Не лезь в воду.

Сын изображал катание на коньках. Не отрывая сапог от поверхности, расплещивал снежную жижу вокруг себя и уже давно забрызгал себе комбинезон и маме сапоги.

Подарок она купила. В магазине возле дома. И повторила несколько раз вслух, как гипнотическую установку, легенду для домашних: будто, когда папа стоял после представления в очереди в гардероб, к нему подошел Дед Мороз и передал для Севы сладости. Это был целый новогодний набор в красочной коробке, и в дверях, словно предъявляя пропуск в квартиру, Вика протянула его дедушке Юре.

— Вот, нам в цирке дали. В обмен на купон.

Прозвучало фальшиво, неестественно. В ее голосе слышалась тихая виноватая дрожь.

Дедушка, почуяв подмену, сощурился и молча смотрел то на дочь, то на зятя, то на внука.

Вика стояла с красным лицом, часто нервно хлопала подкрашенными по случаю выхода в люди ресницами. Сыну было жаль ее.

— Странно, — с ехидством начал было дед Юра вязкую скрипучую нотацию, — коробка совсем не такая, как на купоне... Что ж они... — он косился на дочь с выражением человека, смертельно оскорбленного обманом, неважно от кого этот обман исходил.

— Хватит тебе, — тянула мужа за рукав бабушка Галя, а он в своей дотошности никак не унимался...

— Это тот подарок, о котором я как раз мечтал, — вдруг твердо сказал Сева и, развернувшись, уткнулся матери в подол пальто.

Вечером, укладывая сына спать, Вика говорила, какой же все-таки он молодец, что все понял и выручил ее, и какой молодец его папа, что не связался в метро в потасовку, не стал на платформе рисковать своей и их жизнями. Сделал наилучшее из всего, что мог в такой ситуации.

— Папа ведь был прав, но начал извиняться. Зачем? Он просто струсил. Подставил вторую щеку, — плакал от досады сын.

— А ты знаешь, сколько мужества требуется, чтобы извиниться именно тогда, когда ты знаешь, что абсолютно прав? И еще больше — чтобы подставить вторую щеку.

Сева заснул, так и не поверив маме, не поняв ее мудреных слов.

Она была не такая, как дедушка. И не такая, как папа. Не жадная, но и деньгами не сорила. Мама — красавица, и все всегда оказывали ей знаки внимания, даже в папином присутствии. Она работала в фирме с ненормированным графиком, и в будни Сева видел ее только поздними вечерами. Часто ей приходилось выходить на работу и в выходные. Сын скучал, и это его чувство делало маму почти идеальной.

А у Ромы часто не было денег, но если вдруг появлялись — в основном, виде гонораров за технические переводы с немецкого, — он никогда не жадничал, сразу восполняя сыну все то материальное, чего, по его мнению, Сева бывал лишен в периоды папиного безденежья. На него сыпались подарки, новые мультики, зимой — походы в аквапарк. Вике доставались то экспериментальные духи, то безделушки, которые она не любила и потому злилась, что муж не умеет обращаться с деньгами, что у него все утекает меж пальцев. Сама она скапливала за год приличную сумму, и однажды — в чем она долго убеждала мужа — самостоятельно купила себе действительно стоящие серьги с бриллиантами. Эти серьги она нарочно надевала в дни их с Ромой размолвок, а Сева болезненно переживал родительские склоки и замыкался в себе. Летом — с некоторым материальным участием Юрия Александровича и Галины Павловны — случались поездки на море.

Свой первый в жизни полет на побережье Сева проспал. Была многоядная ночь в аэропорту, мутно виднелись сквозь стекло терминала сытые, белесые туловища авиалайнеров. Накрапывал дождь, и свет прожекторов, фонарей, огней — желтых, белых, красных — растекался по глади взлетно-посадочных полос яркими мигающими реками. Сперва напуганный свистом двигателей, через мгновение он слушал их в восхищении. Мощь этого звука завораживала. Сева очень хотел ощутить разгон, взлет,

слишком хотел увидеть — хотя, что там увидишь в ночи — как уменьшаются где-то под закрылками коробочки домов, уползают в микромир букашки-автомобили, как проваливается, улетает вниз то лесной, то дачный, то строительный подмосковный ландшафт. Вот сейчас самолет оторвется от взлетной полосы, и уже через несколько секунд Сева, угождая маме, помашет прабабушке Анне Игоревне, которая стоит и смотрит в ночное небо и боится невидимого гула турбин... Прикованный ремнем к креслу, навертевшись в ожидании, намучившись в очередях в аэропорту, мальчишка мгновенно уснул на рулевой дорожке и все пропустил: и геометрическое многоцветье огней среднерусской равнины, и огненный восход солнца, запалившего Черное море, и розовые зубцы Крымских гор, и — под овацию пассажиров — мягкую посадку в Симферополе... В автобусе, что вез их через серпантин к отелю, Севу до тошноты укачало. Так же, как всякий раз тошнило в душной дедушкиной машине, так же, как всегда до дурноты укачивало от сухого монотонного дедушкиного голоса и от мелочных понуканий прабабы Ани.

Море! Оно, смывая всю московскую неустроенность и тесноту, пыль и ссоры, две недели купало семью, напитывая солью и энергией волн, сближало, лелеяло и баюкало, окатывало пеной волн и зазывало к дальним буям, а вечерами прокладывало прямо к их балкону дорожку лунного света. Море Ясности и море Спокойствия вытесняли океан Бурь за пределы зримого диска.

Но этим летом море не состоялось...

4

В Москве Юрий Александрович управился быстро, проводил рабочих и, не дожидаясь воскресенья, рванул на свои сотки к матери и внуку.

Предстояло заехать в магазин — список, подробно составленный на бумажке чертежным почерком, лежал в кармане вместе с паспортом и деньгами, согревал сердце.

Быть рачительным, уметь все рассчитать так, чтобы все были сыты, но чтобы ничего не завалилось и, несъеденное, не испортилось — так его воспитали, таким вырастили.

Его никогда не волновали сплетни и пересуды, устраиваемые дома женщинами: как правило, матерью и женой. Ну, не нравится им зять — и что с того... Бури, как ему казалось, давно отгремели, основная волна недопонимания позади, пора было всем друг к другу притереться, свыкнуться с мыслью, что все люди таковы, каковы есть, что пытаться переделывать их не надо, потому что переделкой можно только напортить, исковеркать заданное природой естество.

Рома хорош по-своему. И он, Юрий Александрович, тоже единственный в своем роде. Так же и Вика, и все остальные. Они разные, и это как раз здорово! Будь люди на Земле как на подбор одинаковыми, это был бы ад, кошмар. Одна гнетущая серая беспросветная норма, критерии которой устанавливал бы наверняка самый больной и ненормальный экземпляр. Надо добрее быть друг к другу, терпимее, а когда нет в людях добра, они ведь и не живут, а так — ходят, говорят, занимаются чем-то, но как во сне... А Вика ведь беременна — ездила сегодня в консультацию, уже второй раз — и очень просила Ромке не говорить, пока не будет полной ясности. Сказала, что сообщит сама. Что делает девка! Ромкин ли... А чей же еще! Поздно гадать. Помогать им надо. С жильем что-то думать...

С этой мыслью Юрий Александрович съехал с шоссе на разбитую дорогу, стелившую свои петли к садовому товариществу.

— Наконец-то! Юра! Хлебушка привез? А у меня тут, наверно, давление. Вот давит сюда и давит, — жаловалась Анна Игоревна, показывая пальцем на косынку, из-под которой выбилась редкая седая прядь.

— Как у вас дела-а? Как Сева? — осторожно, будто боясь услышать в ответ что-то неприятное, интересовался Юрий Александрович.

Слова матери про нездоровье он пропустил мимо ушей. Она всегда жаловалась, всегда обсуждала с ним свои лекарства и зимние походы к врачам. К лету сын ежегодно вывозил ее на дачу, и здесь ей становилось легче.

— Да как... — женщина, наконец, отвлеклась от своих болячек, — Пообедали, да пошли в дом — то ли спят, то ли мультики смотрят...

— А вчера?

— Как всегда: Роман с компьютером бродил по грядкам, а Сева альбом портил своими самолетиками. Я говорю — эконошь место, рисуй на одной страничке, а то бабушка не скоро новый альбом купит. А у него — на первом листе — нос, на последнем — хвост, а посерединке все листы окошками изрисованы. А Рома огрызается: отстаньте от ребенка, бумаги что ль жалко? «А ты покупал, говорю, эту бумагу, привозил?» — «Вы что ли, Анна Игоревна, купили с пенсии?» — он мне отвечает. Языкани! Паразит!

— Сева молодец, в нашу породу, инженерную, — проглотив подступившую желчь, не без гордости заметил Юрий Александрович, — я ему вот что... Я ему в следующий раз листов «ватмана» привезу, у меня на антресолях есть запас.

— Вот-вот, одни запасают, а другие сей-вей-развевай...

— А с Романом я потом поговорю... А лучше — с Викой. С обоими...

Мать с сыном помолчали, и Юра начал вынимать из пакетов привезенную снедь, распихивать свертки по полкам холодильника, буфета и под лавку.

— Вы окна поставили? Галя как? Как обычно, что ли — все субботы-воскресенья в Москве в квартире просидит? Что ж ей дача-то поперек горла?! — встрепенулась Анна Игоревна.

— Осталась за стекольщиками прибраться, за рабочими. Стирку еще затеяла.

— А-а, ну как всегда...

Юрий Александрович нахмурился, силясь поймать ускользавшую от него мысль.

— Вика не звонила?

— Тебе не звонила, а мне будет?! — удивилась женщина. — У Ромки спрашивай. Вот что, Юр, она никого себе часом не нашла? А то совсем уже как Галька твоя стала. Не приезжает на дачу-то... Все в выходные в Москве норовит остаться. А?

Сын помрачнел. Бывало всякое в их с Галиной жизни. Зачем поминать. «Эх, мама, мама, язык у тебя на старости лет...»

— Юра, столбы бы поправил, — мать вытащила сына из неприятных раздумий.

— Да, сейчас, мам, сейчас... Может, Рома все-таки поможет...

Зять, и правда, помог. Работал с грустинкой, но охотно. «Чтобы не думать о чем-то своем, тяжелом...» — догадался Сева, наблюдая, как отец в грязных рукавицах трамбует кирпичные обломки вокруг столбов.

Чартер за чартером пробивали небо где-то в вышине над нестареющей летней кухней.

Вечерний чай пили без Вики, которая, как надеялся Рома, просто отдыхала сейчас в Москве после рабочего выходного. Молчали, но сидеть так, в безмолвии, всем было спокойнее и даже уютнее. И Рома подумал, что тесть и Анна Игоревна то ли отчего-то жалеют его, то ли приняли, наконец, как родного...

«Да, хорошо иметь большую семью...»

Ему было жаль, что его родители живут далеко, в другом городе — не каждый год съездишь навестить. Вот собрались бы они сейчас все вместе на подмосковной даче: все дети и все родители сразу, заварили бы чая с мятой, открыли какое-нибудь старое позапрошлогоднее варенье, чтобы освободить банку под свежее, и принялись обсуждать, как растут огурцы, у кого какие новости, какой модели самолет нарисовал сегодня шестилетний взрослый человек.

В Ромином кармане навязчиво выводила трели печальная флейта Баха. Ну вот, два пропущенных звонка от жены...

Он был рад, что Вика звонила так настойчиво, и теперь, в свою очередь, набрав любимый номер и слушая гудки, ждал, когда жена ответит.

«Шлеп» — упало где-то дозревшее наливное яблочко, а Сева вдруг серьезным голосом сказал:

— Завтра все вместе на пруд пойдем — ондатру смотреть...

